

² Партийная организация Челябинской области в Великой Отечественной войне. 1941–1945: Сб. документов и материалов / Сост. З.В. Щестакова. Челябинск, 1981. С. 8–9.

³ Ерусалимчик Г.И. Разные судьбы — общая судьба (из истории евреев Челябинска). Челябинск, 1999. С. 130–131.

⁴ Там же. С. 135.

⁵ Павленко Г.К., Павленко В.Д. Инициатива и творчество уральцев в условиях режима военного времени. 1941–1945 гг. // Урал в стратегии Второй мировой войны... С. 282.

⁶ «Этот день мы приближали, как могли...» Воспоминания работников комбината — ветеранов труда и фронтовиков о военном времени. Магнитогорск, 1995, С. 22.

⁸ «Быстрее восстанавливать эвакуированные заводы» // Челябинский рабочий. 1942. 20 янв.

⁸ Златоуст — фронту. Златоуст, 2000. С. 98.

*В.В. Шилов
(Березники)*

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД КАК ИСТОЧНИК УСКОРЕННОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ НА БЕРЕЗНИКОВСКО-УСОЛЬСКОЙ АГРОПРОМЫШЛЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОГО КРАЯ В 20–50-е гг. XX в.

Глубокий анализ советского тоталитаризма, проблема становления и утверждения режима личной власти И.В. Сталина, использование подневольного труда на многих «стройках века» в СССР современный читатель может найти в работах известных российских учёных (работавших на Урале), таких как А.В. Бакунин и З.И. Файнбург¹. Тем не менее, до сих пор историкам приходится «закрывать» много «белых пятен» (особенно на региональном уровне) данной сложной темы. Цель нашего исследования — рассмотреть проблему принудительного труда на примере Березниковско-Усольской агропромышленной территории Верхнекамского региона Пермского края в 20–50-е гг. XX в.

На данной территории в период «социалистической индустриализации» не только создавалась мощная химическая промышленность, которая и сегодня не имеет аналогов в РФ (производство «металла века» — титана, магния, соды, калийные удобрения и др.), но и шло формирование мировоззрения советских людей.

С конца 20-х гг. XX столетия облик Северного Прикамья кардинально и бурно меняется. Огромную роль для мощного экономического развития Верхнекамья имело открытие месторождения калийно-магниевого солей. Геологоразведочные работы здесь проводил профессор П.И. Преображенский (1874–1944 гг.), который 6 октября 1925 г. сделал, как он сам выражался, «ошеломляющее» открытие Верхнекамского месторождения калийных солей².

Первая систематическая геологическая разведка калия на территории современного Соликамского района дала положительные результаты. Все 11 скважин прошли через мощные пласты калийных солей. По подсчётам профессора П.И. Преображенского, обнаруженные запасы солей в 1925 г. составляли 16 млрд т. Это было значительно больше, чем запасы в Германии и Франции³.

30 августа 1926 г. Госплан СССР постановил «признать необходимым немедленно приступить к организации в СССР калиевой промышленности на базе соликамских и близлежащих к ним месторождений»⁴.

10 декабря 1926 г. на заседании Совета труда и обороны по предложению председателя ВСНХ СССР В.В. Куйбышева было решено создать калийный трест всеозного значения.

Строительство в Верхнекамье Березниковского химического комбината началось в 1929 г., а возглавил управление Березникхимстрой по приказу ВСНХ М.А. Грановский. Этот объект входил в число двенадцати наиболее значимых в СССР, находящихся под личным контролем наркома тяжёлой промышленности С. Орджоникидзе. В Березники для ознакомления с ходом индустриального строительства в 1932 г. приезжали лично председатель ВЦИК М.И. Калинин и С. Орджоникидзе⁵.

В мае 1930 г. на будущей территории г. Березники велись подготовительные работы: строились бараки, сносился старый солеваренный завод, сооружались заводы силикатного и красного кирпича, механический завод, другие вспомогательные предприятия. На строительстве химкомбината было занято более 15 тыс. рабочих и около 2 тыс. служащих.

Уже с 1928 г., согласно постановлению СНК СССР, обеспечение предприятий и новостроек рабочей силой, началось использование труда «спецконтингента»⁶. Вскоре (с начала 1930-х гг.) строительство объектов социалистической индустриализации руками заключённых стало делом обыденным⁷. На территории Пермской области возникли крупные лагерные управления: Вишерлаг, Усоллаг, Широковлаг, Ньроблаг, Кусьинлаг и др.

Несмотря на то, что Березниковский химический комбинат был в числе 19 «ударных» строек первой пятилетки, сроки его строительства срывались из-за недостатка рабочей силы (обеспеченность ею составляла 50 %), стройматериалов, отсутствия проектно-сметной документации, транспорта и жилья для рабочих. Для обеспечения стройки рабочей силой около ст. «Усольская» была создана Ворошиловская колония из ссыльно-осуждённых крестьян численностью 3985 чел.⁸

В годы советской власти об этой «нелицеприятной» странице нашей российской истории практически ничего не писалось. Например, писатель К. Паустовский, побывавший на строительстве химкомбината в Березниках, в возвышенно-приподнятом стиле в очерке «Великан на Каме» (поздняя редакция «Соль земли») написал о первостроителях города, но ничего не написал о «спецконтингенте», а «не заметить» их было невозможно⁹.

То же самое событие — строительство комбината и города — В.А. Шмыров описывает так: «Поздней осенью 1929 г. вблизи только-только встающего города Березники и закладывавшихся при нём химических комбинатов развернулась новая, крупнейшая по тем временам стройка...

Строительство было закончено ударными темпами уже к лету следующего, 1930 г. Глаз постороннего зрителя поразовал бы вид нового, свежим деревом сверкающего посёлка: аккуратные линейки построек, отсыпанные песком дорожки, клуб с дорическими колоннами... Почти идеальный соцгородок, почти в полном соответствии с чаяниями основоположников...

Но посторонний глаз всего этого благолепия увидеть не мог, поскольку соцгородок этот был не чем иным, как концлагерем, и отделён был от мира и досужего взгляда, как и полагается всякому лагерю, колючей проволокой с вышками, вахтами

и недремлющей охраной. Был он первым в истории нашей страны индустриальным лагерем ОГПУ, безумным экспериментом, с которого, однако, начался приснопамятный ГУЛАГ...»¹⁰.

Вскоре после приезда Э.П. Берзина на Вишеру (в конце лета 1929 г. он был назначен начальником управления ВИШХИМЗ — строительства Вишерских химических заводов, под которыми поднимались стройки не только на Вишере, но и на Каме) отделение Вижайха было выделено из СЛОНа (Соловецкого лагеря особого назначения, где, в отличие от заключённых колоний НКВД, содержались люди, «осужденные» внесудебными органами — коллегией ОГПУ или тройками) и преобразовано в самостоятельный лагерь особого назначения (ВИШЛОН), начальником которого был назначен приехавший с Лубянки вместе с Берзиным И.Г. Филиппов.

ВИШЛОН, хоть и назывался лагерем, был на деле целой системой лагерей, включающий в себя, кроме двух больших — на Вишере и в Березниках, — множество более мелких, которые назывались «командировками»¹¹.

7 апреля 1930 г. СНК СССР утвердил «Положение об исправительно-трудовых лагерях». 25 апреля приказом по ОГПУ № 130/63 в его составе было организовано новое подразделение — УЛАГ (Управление лагерями) ОГПУ, начальником которого был назначен бывший начальник СЛОНа — Эйхманс. Лагеря особого назначения ОГПУ были переименованы в исправительно-трудовые. ВИШЛОН стал называться Вишлагом или Вишерским ИТЛ.

Упомянутый В.А. Шмыров отмечал: «Опыт Вишлага, "опытного хозяйства перековки", и Берзина, в масштабе "отдельно взятого" лагеря и стройки, удался на славу. На славу Берзина. Березниковское строительство из прорыва было вытасчено, Вишерский бумкомбинат имени т. Менжинского пущен... Берзин в 1932 году был направлен на Колыму, где основал Магадан — столицу печально знаменитой лагерной империи...»¹².

В 1924 г. число жителей (г. Усоля и Березниковского содового завода) составляло всего 8 тыс. чел., а в Соликамске проживало тогда вообще в два раза меньше. Но вот уже по последней переписи в СССР в 1989 г., в Березниках уже насчитывалось 203 тыс. жителей, а в Соликамске 105 тыс. Разница, как видим, очень значительная.

Связано это было с тем, что на всесоюзную стройку приезжали не только по комсомольским путёвкам и добровольцы, как об этом писалось в годы советской власти. Многие прибыли сюда под конвоем.

Попробуем привести данные статистики о численности спецпереселенцев в СССР и Пермском крае в частности. Так, по подсчётам историка-аграрника В.П. Данилова, за период коллективизации было «раскулачено» 1–1,1 млн крестьянских хозяйств, объединивших 4–5 млн чел. Раскулачиваемые, как известно, делились на три категории. К спецпереселенцам относились две первые категории — «контрреволюционный актив» и «крупные кулаки и бывшие полупомещики», которые подлежали суду или выселению в отдалённые районы страны.

По числу семей раскулаченные первой и второй категории имеют более или менее точные данные: за 1930–1932 гг. было депортировано на Север, Урал, в Сибирь и Казахстан более 480 тыс. семей. После рассылки местным партийным и советским органам инструкции за подписью Сталина и Молотова от 8 мая 1933 г. массовых выселений «кулаков» не производилось¹³.

По альтернативной оценке американского историка С. Максудова, за весь период депортаций (с конца 1929 по май 1933 г.) было выслано 543 тыс. бывших «кулацких» семей, а это не менее 2–2,5 млн чел. К 1932 г. основным «потребителем» труда раскулаченных стал Урал, куда к указанному времени было перемещено 130 тыс. семей спецпереселенцев. Далее шли Сибирь — не менее 66 тыс. семей, Казахстан — 45 тыс. и т.д.¹⁴

С.П. Постников на основе архивных сведений Государственного архива Свердловской области приводит такие сведения: «По данным на 1 февраля 1932 г., на территории Уральской области насчитывалось "приписанных" к промышленности 467174 спецпереселенцев (116056 семей) и занятых в сельскохозяйственных колониях 16102 спецпереселенцев и занятых в сельскохозяйственных колониях 16102 спецпереселенца (4032 семьи). Всего, таким образом, 120088 семей и 483276 человек. Большая часть спецпереселенцев была передана в распоряжение промышленных трестов. Из общего числа 171836 человек, или 36,8 процента, были заняты на производстве (остальные — "иждивенцы" — женщины, старики, дети, инвалиды. Из числа работавших спецпереселенцев 69629 человек, или 40,5 процента трудились в лесной отрасли, остальные — в чёрной и цветной металлургии, в угольной промышленности, на стройках и торфоразработках»¹⁵.

Таким образом, к концу первой пятилетки труд спецпереселенцев широко применялся в экономике Урала, и они составляли почти 12 % общего числа рабочих региона. Абсолютное большинство спецпереселенцев было занято на тяжёлой, изнуряющей неквалифицированной работе. Широкое использование их труда на лесоповале определило и географию размещения бывших «кулаков»: прежде всего это северные и западные районы Урала. На первом месте по числу спецпереселенцев находился Надеждинский (Серовский) район — 85,4 тыс. чел. Далее шли районы Пермской области (выделилась из состава Свердловской области в 1938 г.). Однако здесь находилось не 60–70 тыс. спецпереселенцев, как указывает А. Ничиперович¹⁶, а в два раза больше¹⁷.

Всего в районах Пермского края в 1932 г. депортированных насчитывалось: в Кизеловском — 45,4 тыс. чел., в Чусовском — 24,9 тыс., Чердынском — 18,9 тыс., в Березниковском — 14,1 тыс., Ныробском — 12,5 тыс., в районе Перми — 7,5 тыс., то есть около 130 тыс. чел., или примерно 27 % всех спецпереселенцев, депортированных на Урал.

Дешёвая рабочая сила, подневольный рабский труд заключённых, новое «крепостное право» в деревне, жители которой были лишены паспортов и работали на нищенские трудовни, — таковы были «внутренние ресурсы» сталинских методов строительства социализма и на территории Верхнекамья¹⁸.

Во время Великой Отечественной войны¹⁹ политическое руководство страны вновь столкнулось с нарастающим дефицитом рабочей силы. Для решения этой острой проблемы изыскивались всё новые и новые источники. В их числе, как считает А.Б. Суслов, следует отметить и мобилизацию на принудительные работы по национальному признаку. Он указывает, и с ним можно полностью согласиться, что есть все основания считать призыв в так называемую трудовую армию особой формой репрессий по национальному признаку, поскольку, как правило, попадали в них советские

граждане тех национальностей, которые официально были признаны враждебными советскому народу, прежде всего, немцы²⁰.

Пик мобилизаций падает на начало 1942 — первую половину 1943 гг., — время, когда достижения на трудовом фронте во многом определяли удачи коренного перелома в ходе войны. В Пермскую область с ноября 1942 по август 1943 гг. прибыло 16467 немцев, мобилизованных на предприятия Наркомнефти, Наркомугля и других хозяйственных наркоматов, согласно постановлению Государственного комитета обороны от 7 октября 1942 г.

Кроме того, значительная часть мобилизованных отправлялась на работы в исправительно-трудовые лагеря. Так, согласно постановлению ГКО от 10 января 1942 г., в рабочие колонны Усольлага попало 4940 немцев и на Соликамстрой — 2396 немцев; чуть позже, согласно директиве ГКО от 14 февраля того же года, Соликамстрой принял ещё 141 немца; 19 января 1943 г. по распоряжению заместителя наркома внутренних дел в Усоллаг направили 3 тыс. немцев для использования на сельхозработах, на лесобирже и т.д.

Историки обращают особое внимание на одну из сторон использования труда мобилизованных — на ужасающую убогость их жилищно-бытовых условий, низводящую жизнь формально свободных людей до уровня узников ГУЛАГа. Дошедшие до нас инструкции предписывали директорам предприятий в обязательном порядке заботиться о жилищно-бытовых условиях мобилизованных немцев. Но на каждого из них должно было приходиться не менее 2,4 кв. м жилой площади, то есть всего на 0,4 кв. м больше, чем полагалось заключённым.

Нечеловеческие условия проживания приводили к высокой смертности. По данным отдела спецпоселений, с ноября 1942 по август 1943 гг. «дезертировало» 928 чел. (5,5 %) трудармейцев и умерло 851 чел. (5,1 %). При этом, по мнению начальника оперативного отдела УНКВД по Молотовской области Макарова, главной причиной высокой смертности и побегов являлись неудовлетворительные жилищно-бытовые условия.

Спецконтингент в эпоху сталинизма, по утверждению упомянутого исследователя данной сложной темы, историка А.Б. Сулова, стал достаточно массовой и устойчивой группой населения Советского Союза²¹. Однако и в период «хрущёвской оттепели» высказывания против правящего режима могли караться столь же строго, как и ранее. Например, В.И. Попов, 22-летний рабочий Березниковского магниевого завода, 25 апреля 1959 г. за антисоветские высказывания в курилке завода был арестован и осуждён по закону от 25 декабря 1958 г. «Об уголовной ответственности за государственные преступления» к трём годам лишения свободы (реабилитирован 8 июня 1992 г.)²².

До сих пор от сталинского периода в Верхнекамье остались многочисленные исправительно-трудовые учреждения, в том числе и в окрестностях Березников и Соликамска (например, известный «Белый лебедь» для пожизненнозаключённых, женская колония и др.).

Примечания

¹ См.: напр.: Бакунян А.В. История советского тоталитаризма. Кн. II. Апогей. Екатеринбург, 1997; Файнбург З.И. Не сотвори себе кумира... Социализм и «культ личности»: (Очерк и теория). М., 1991.

- ² Иванов А.А., Морачевский Ю.В. Воспоминания о П.И. Преображенском // Зап. Всесоюзного минералогического общества. Сер. 2. Ч. 84. Вып. I. М., 1955; Шилов В.В., Коробейникова М.С., Хожайнова Е.Р. «Земля, которой нет цены!» (открытие и штрихи к портрету профессора П.И. Преображенского) // Вопросы истории и культуры Пермского Прикамья: Материалы Всерос. научно-практ. конф. Березники, 2004. С. 92–99.
- ³ Там же; Богданов М.В. Верхнекамье: возраст опыта и мудрости // Соликамськ (Спец. вып. к 75-летию открытия Верхнекамского месторождения калийных солей). Соликамск, 2000. № 2.
- ⁴ См. в экспозиции музея ОАО «Уралкалий» г. Березники.
- ⁵ Шилов В.В., Сафрошенко О.Н. Содовый на Каме. История продолжается. Пермь, 2008. (с фото, рис., карт.); Вершинина Л.А. Березниковское производственное объединение «Азот». М., 1986.
- ⁶ Суслов А.Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953) // Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий / Сост. А. Суслов, Н. Гашева. Пермь, 1998.
- ⁷ Шмыров В.А. Мемориальный музей истории политических репрессий и тоталитаризма (отчёт 1994/1995 гг.). Пермь, 1996.
- ⁸ Прикамье. Век XX: Учебн. пособие / Ред. М. Лебедева. Пермь, 1999. С. 131.
- ⁹ «Республика химия» за колочей проволокой // Ретроспектива: историко-архивный журнал (Пермь). 2008. № 1(6). С. 44–49.
- ¹⁰ Шмыров В.А. К проблеме становления ГУЛАГа (Вишлаг) // Годы террора. Книга памяти жертв политических репрессий. Пермь, 1998. С. 70–90.
- ¹¹ Там же. С. 77.
- ¹² Там же. С. 85.
- ¹³ Данилов В.П. Коллективизация: как это было // Страницы истории советского общества: Факты, проблемы, люди. М., 1989. С. 244.
- ¹⁴ Цит. по: Полян П. Человек и большой террор // Знамя. 1990. № 1. С. 231–232.
- ¹⁵ Постников С.П. К вопросу о численности спецпереселенцев в Пермском крае // Проблемы историко-культурного наследия Верхнекамского региона: Тез. докл. республиканской научно-практ. конф. Березники, 1991. С. 27–28.
- ¹⁶ Ничиперович А. Спецпереселенцы // Урал. 1990. № 10. С. 164.
- ¹⁷ Постников С.П. Указ. соч. С. 28.
- ¹⁸ Шилов В.В. Социально-экономическое развитие Верхнекамья в эпоху тоталитаризма: цена достижений и последствия // Тоталитаризм и личность: Тез. докл. Междунар. научно-практ. конф. Пермь, 1994. С. 84–86.
- ¹⁹ Шилов В.В. «Коктейль Молотова» из уральской провинции (на примере ОАО «Березниковский содовый завод») // Великая Отечественная война: государственная политика и общественная память: Материалы Всерос. научно-практ. конф. Волгоград, 2008. С. 148–155.
- ²⁰ Суслов А.Б. Быт трудармейцев в Пермской области // Взгляд на историю Прикамья на пороге XXI века: Тез. докл. научно-практ. конф. Пермь, 1997. С. 74–77.
- ²¹ Суслов А.Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.). Екатеринбург–Пермь, 2003. С. 292.
- ²² Шилов В.В. Рассекреченная история // Березниковский рабочий. 2005. 22 февр. С. 3.